

А.А. Сычев
УДК 37.014

Университетская идентичность в современном мире: ценностные ориентиры и вызовы

Аннотация. В статье рассматриваются основные вызовы идентичности современного университета. К ценностным ориентирам, определяющим идентичность классического университета, автор относит автономию, академическую свободу, единство образования и исследований, универсальность охвата знаний, дух гуманизма и творчества. Хотя в реальности нельзя найти университет, в котором все эти ценности были бы в полной мере реализованы, уже само стремление к ним представляется достаточным условием для удержания университетской идентичности. Современный университет сталкивается с различными вызовами идентичности, среди которых государственный контроль, регионализация, коммерциализация, цифровизация, снижение престижа преподавательской профессии, дегуманитаризация образования и т.д. По мере усиления внешнего воздействия деятельность университета становится менее свободной и универсальной: она выстраивается по образцам бюрократической организации, коммерческой корпорации, разработчика массовых онлайн-курсов, а преподавателю навязываются функции чиновника, предпринимателя, модератора. В условиях беспрецедентного давления университету следует четко определиться с тем, что для него является целями, а что, несмотря на важность и новизну, должно оставаться только средствами. При этом ключевым условием для самоопределения университета должна быть устойчивость выбора, то есть планирование путей развития всегда должно совершаться таким образом, чтобы возможности для дальнейшего самоопределения сохранялись. Возможно, со временем цели университета, формат его работы, взаимодействие преподавателей и студентов кардинально изменятся. Однако, если он сохранит базовые ценностные ориентиры, все эти изменения будут следствиями его собственного, свободного и осознанного выбора, он сможет и далее удерживать свою университетскую идентичность.

Ключевые слова: университет, идентичность, ценности, самоопределение, автономия, цифровизация, устойчивость.

К ключевым ценностным ориентирам классического университета можно отнести автономию, академическую свободу, тесную связь образования и исследований, универсальность охвата знаний, дух гуманизма и творчества. Конечно, в реальности сложно найти университет, в котором все эти ценности были бы реализованы в полной мере, но уже само стремление к ним представляется достаточным условием для удержания университетской идентичности.

Перед университетским образованием постоянно возникают новые задачи, избирая те или иные варианты их решения, университет изменяется. Так, в классический период он декларировал в качестве основной цели своей поиск истины; в неклассический – достижение успеха. Сегодня университет позиционирует себя, прежде всего, как уникальный социокультурный механизм, деятельность которого способствует инновационному развитию общества при сохранении его устойчивости. Соответственно, появляются новые ценности: социальной ответственности, публичности, подотчетности, предосторожности, формируются этические комиссии и механизмы гуманитарной экспертизы и т.д. Однако, как бы сильно не менялось общество и университет вместе с ним, фундаментальные ориентиры, составляющие «жесткое ядро» университетского этоса, остаются теми же: инновационное развитие предполагает ориентацию на автономию, свободу и творчество, а устойчивость возможна лишь при признании ценности гуманизма.

Современный университет сталкивается с новыми, и все более серьезными вызовами идентичности. Так, его автономии угрожает не только государственное вмешательство и коммерциализация, но и процессы форсированной цифровизации; по мере ограничения академических свобод падает престиж преподавателя; сокращение преподавания гуманитарных предметов ведет к нарушению «техногуманитарного баланса» и т.д. Университетскому сообществу в этих условиях нужно определиться: попытаться сохранить классические ориентиры, или принять новые ценности, после чего университет трансформируется в одну из форм «постуниверситета».

Самоопределение университета

Одна из возможных метафор для самоопределения – перепутье, разветвление дорог, приближаясь к которому, путник оказывается перед необходимостью определиться с дальнейшим направлением движения. Для современного университета таким перепутьем можно считать ситуацию выбора основной стратегии развития в быстро меняющемся мире: удержать классическую идентичность, трансформироваться в учебное заведение инновационного типа или попытаться тем или иным образом совместить элементы старого и нового. Однако в ситуации с университетом есть смысл выйти за пределы этой метафоры, поскольку он является коллективным субъектом, который способен не только рефлексировать по поводу своего будущего, но и активно это будущее создавать.

Важная миссия университета – расширение пространства выбора для социального и индивидуального развития. В отличие от узкоспециализированных заведений, обучающих студента алгоритмам

решения конкретных задач, университет нацелен на подготовку специалиста широкого профиля с фундаментальными знаниями, который способен развиваться в различных направлениях, особенно в условиях динамично изменяющегося рынка труда. Университет предоставляет студенту выбор возможностей для обучения; университетское образование, в свою очередь, открывает перед его обладателем множество недоступных ранее возможностей для профессиональной самореализации. В этом смысле можно говорить, что университеты создают научные и технологические предпосылки для динамичного обновления общества и готовят специалистов, способных творчески воплотить в жизнь инновации. С этой позиции он является социокультурным механизмом, постоянно продуцирующим *новые возможности*, т.е. разрабатывающим множественные перспективные траектории личностного развития и пути развития общества.

Вызовом для самоопределения университета являются непрекращающиеся попытки поместить его в рамки одной из стандартных моделей образовательного учреждения, как правило, спроектированной чиновниками либо сформированной под давлением рынка. В первом случае от университета ожидают обслуживания потребностей государства или региона (для чего создаются модели федеральных, опорных региональных и прочих вузов). Во втором – образовательная и научная деятельность перестраивается для получения наибольшей прибыли (коммерческие вузы, «университеты предпринимательского типа»). Новым вызовом для самоопределения стала форсированная цифровизация образования, которая в чрезвычайной ситуации пандемии не оставила университету возможностей для взвешенного выбора между применением традиционных и дистанционных методов преподавания, фактически принудила его к трансформации в «цифровой университет».

Деятельность университета, в конечном счете, ориентирована на повышение интеллектуального, культурного, социального капитала общества. Предполагается, что государство, бизнес, информационные технологии должны предоставлять средства для достижения целей университета, поскольку высокий уровень такого капитала является решающей предпосылкой и их долгосрочного успеха. Проблема состоит в том, что оптимизация, коммерциализация и цифровизация из средств, способных улучшить качество образовательной и исследовательской деятельности, постепенно превращаются в жестко установленные цели развития, тем самым уже не расширяя, а сужая пространство самоопределения. В итоге деятельность университета становится менее свободной и универсальной: она выстраи-

вается по образцам бюрократической организации, коммерческой корпорации, массовых онлайн-курсов, и выйти за пределы этих моделей с каждым годом оказывается все сложнее. В этих условиях университету следует четко определиться с тем, что для него является целями, а что, несмотря на важность и современность, должно оставаться только средствами.

Регионализация университета

Регионы нуждаются в высших учебных заведениях, которые выступают в качестве важных участников экономической и культурной деятельности, способствуют развитию человеческого капитала, производству новых знаний и технологий.

В России задачи решения практических проблем на местах и поддержка экономики регионов во многом возложены на опорные университеты, которые позиционируются как центры концентрации исследовательской и образовательной деятельности в регионе, способные предложить альтернативу столичному образованию. Опорные вузы находятся у основания выстроенной в последние годы иерархической системы университетов, на среднем уровне которой – федеральные, а на верхнем – ведущие классические университеты, обладающие наибольшими ресурсами и возможностями для самоопределения.

С одной стороны, выстраивание иерархии задает четкие и прозрачные правила для оценки эффективности вузов и распределения ресурсов. Но оно же ведет и к усилению расслоения вузов, превращаясь в средство воспроизводства образовательного неравенства. Если те вузы, которые находятся на вершине иерархии, по многим параметрам соответствуют имени «университет» даже в его классическом понимании, то региональным вузам соответствовать этим критериям сложнее уже в силу того, что претензии их изначально ограничиваются необходимостью решения практических проблем региона и сравнительно небольшими ресурсами, выделенными для этого. Соответственно, статус его выпускников оценивается ниже, чем статус выпускников классических университетов. Такая система не может не приводить к оттоку наиболее перспективных студентов в статусные вузы, а значит к снижению качества образования и дальнейшему сокращению финансирования региональных вузов. Понятно, что проблема неравенства была актуальной и до появления опорных университетов, и слияние региональных вузов в опорный университет должно было ее частично решить, но фактически само узаконивание ранжирования вузов по статусу ее только усугубляет.

Основная проблема с созданием и функционированием опорных вузов, как представляется, связана со смешением двух типов

задач – нацеленного на решение конкретных практических проблем региона и задающего основания для его инновационного развития. Первый тип задач предполагает удерживание в регионе выпускников, подготовку квалифицированных кадров под нужды конкретных региональных предприятий, разработку востребованных в регионе технологий производства, проведение региональных (этнических, экологических, краеведческих и т.д.) исследований. Традиционно за решение большинства задач такого типа отвечают не столько университеты, сколько специализированные профессиональные заведения среднего и высшего образования, готовящие специалистов-практиков. Администрация и коллективы таких заведений обычно тесно взаимодействуют с производством, и их слияние в большой вуз, хотя и сокращает текущие расходы за счет увольнения дублирующих работников, в реальности может привести к проблемам для вуза, поскольку одновременно разрушает сложившиеся традиции и связи между вузом и предприятиями региона.

Второй тип задач связан с формированием особой среды для социализации и творческой самореализации молодежи, разработкой возможных путей развития региона, поддержкой инновационного развития в экономике. Решение такого рода задач более характерно для университета, предлагающего фундаментальное, разносторонне, творчески ориентированное образование, не сводящееся к практическим алгоритмам. Но в этом случае его интересы должны выходить далеко за пределы региональной повестки дня, а уровень исследований и организации образования должен быть сопоставим с уровнем ведущих федеральных (а в перспективе – и мировых) вузов. Однако, чтобы такой университет был конкурентоспособен, он должен обладать и соответствующими ресурсами, сравнимыми с вузами более высоких уровней (и даже большими, поскольку ему нужно с чистого листа создавать многие новые для региона направления исследований).

Университет, используя все преимущества, предложенные регионом, но не ограничивая свою деятельность сугубо локальными проблемами, будет действительно драйвером инновационного развития для региона. Фактически региональный вуз должен быть классическим университетом с амбициями, *значительно превышающими региональные нужды*. При этом амбиции эти должны быть подкреплены как финансово, так и потенциалом абитуриентов.

Устойчивость университета

Движение по пути государственного регулирования, коммерциализации, информатизации не способствует удержанию идентичности классического университета, поскольку в его процессе подменя-

ются цели его деятельности, сокращается автономия, усиливается внешнее давление, образование становится односторонним за счет ослабления гуманитарной составляющей. Цели и ценности «опорного вуза», «университета предпринимательского типа» или «цифрового университета» уже в силу своей определенности и вторичности серьезным образом расходятся с теми, которые характерны для классического университета с его перманентным самоопределением. В этом смысле правильнее говорить о том, что сейчас выстраиваются альтернативные модели постуниверситетов, работники которых, нагруженные функциями чиновников, коммерсантов и круглосуточных модераторов, постепенно теряют собственно университетскую идентичность.

Новая идентичность является жестко определенной, поэтому может выражаться количественно: в определенных дигитальных показателях, данных мониторинга, местах в рейтингах. Однако в реальности ученые совершают открытия и выдвигают новые идеи не ради того, чтобы повысить конкретные показатели вуза. Высокие рейтинги – показатель успеха университета, а успех – результат свободной и творческой деятельности членов университетского сообщества, основанной на развитии фундаментальных знаний. Эту деятельность сложно выразить в цифрах: в лучшем случае можно оценить наличие организационной инфраструктуры и ресурсной базой, которые не обязательно способствуют формированию университетского духа, но в любом случае являются важными предпосылками для него. Если свободы и возможности урезаны, успех можно только имитировать, например, компенсируя низкое качество работ их большим количеством.

Конечно, университет не может не трансформироваться вместе со временем, но это не значит, что его модернизация должна проходить при обязательном условии отказа от собственных характеристик и целей, от собственного самоопределения. И если самоопределение действительно является «атрибутивным признаком, неотъемлемым свойством университета, способом его существования» [5,78], то переход в режим определенности, выбор окончательного пути развития ставит под угрозу саму университетскую идентичность. При этом ключевым условием для самоопределения университета должна быть *устойчивость выбора*, то есть планирование путей развития всегда должно совершаться таким образом, чтобы возможности для дальнейшего самоопределения сохранялись.

Автономия университета

Первые европейские университеты возникли в Средние века как автономные (самоуправляемые и независимые от властей) учре-

ждения. Собственно, именно эта автономия и позволила им стать интеллектуальными центрами своего времени, подготовившими научную революцию Нового времени. Все последующее время автономия продолжала считаться фундаментальной ценностью университета, во многом определявшей его идентичность. И сегодня высшие места в рейтинге лучших университетов мира занимают вузы, в управление которых государство или региональные власти прямо вмешиваться не могут. Вузы, деятельность которых жестко регулируется государством, как правило, не демонстрируют значимых достижений ни в чем, кроме объемов отчетности. Фактически, чем сильнее урезана автономия университета, тем мизернее отдача от вложений в него. Итог внешнего управления (как демонстрирует, например, история развития философии, социологии, генетики, кибернетики в СССР) может быть и вовсе отрицательным: некомпетентное вмешательство государства способно отбросить научное и интеллектуальное развитие страны на десятилетия назад.

С другой стороны, автономия не обозначает, что университет должен конвертировать всю свою деятельность в коммерческие услуги, чтобы самостоятельно изыскивать ресурсы для развития. Фундаментальная наука требует серьезных вложений, но не дает мгновенной отдачи, поэтому коммерческая модель для ее развития малоперспективна. Университетское образование – это, прежде всего, общественное благо, от качества которого зависит конкурентоспособность страны, уровень ее культуры, интеллектуальный, социальный, технологический потенциал. Вложение государства в образование и науку – это вложение в будущее страны, возможно в само суверенное существование страны в «обществе знаний». Однако чем больше университет подчинен государству, тем меньше у него возможностей выполнять собственную социальную миссию. Поэтому в отношениях с государством основная задача университета – сохранение и расширение автономии.

Автономия – одна из основ системы ценностей классического университета, его этоса, пронизанного, как пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, духом «...свободы и призвания, который не только побуждает и ограничивает поведение научных работников, но и позволяет поддерживать их соучастие в бытии социального мира» [1, 39]. Классический научный этос предполагал, что ученый должен иметь возможность посвятить себя поиску истины, не отвлекаясь на требования коммерческой выгоды и идеологической выдержанности. Ограничение автономии университета привело к трансформации этоса: классические его модели (Р. Мертон, Б. Барбер, Н. Сторер) сменились неклассическими (Р. Богуслав, Дж. Займан, С. Фуллер),

делающими упор на антинормах локальности, авторитарности, оппортунизма, коллективной безответственности и т.д. Эта трансформация фактически отразила смещение научных исследований из университетов в специализированные исследовательские центры, которые решают конкретные практические проблемы, выполняя государственные и коммерческие заказы [6, 106].

Учитывая, что реальным источником ресурсов для университета и основным получателем выгод от его деятельности является общество, именно ему университет должен быть подотчетен. Соответственно, *социальная ответственность* университета должна отражаться в публичности и прозрачности его деятельности и измеряться уровнем доверия общества к университету. Поскольку университет является автономным учреждением, он сам разрабатывает нормы, по которым обязуется жить и за нарушение которых несет ответственность. С этой позиции базовым нормативным документом, в котором декларируется и уточняется эта ответственность, становится этический кодекс, а основной санкцией за нарушение положений кодекса является падение репутации вуза, влекущее за собой снижение престижа проводимых в нем исследований и сокращение количества абитуриентов.

Конечно, современный мир требует изменений, отражающихся, в том числе, и в нормах этоса, который сегодня все больше ориентируется не только на истину и результат, но, прежде всего, на благо общества. Востребованы новые ценности: подотчетности, открытости, предосторожности т.д. Однако, если университет хочет сохранить свою идентичность, он должен сохранить в неизменности конституирующее нормативное ядро классического научного этоса – прежде всего, *свободу поиска и автономию*.

Престиж преподавателя

Д. Белл и другие теоретики постиндустриального общества предполагали, что руководящее положение в нем будут занимать те, кто обладают наиболее востребованными для новых условий знаниями, компетенциями, способностями: преподаватели, ученые, инженеры и другие высококвалифицированные работники умственного труда. При этом институциональной базой для формирования нового класса должен стать университет, независимый от центров власти индустриального общества [3, 315].

Хотя с развитием новых технологий многие предположения Белла подтвердились, его оптимизм по поводу положения интеллектуального класса не оправдался. Напротив, наблюдается явная тенденция к деинтеллектуализации элит и к усилению зависимости интеллектуального класса от них.

Снижение статуса преподавательской работы можно рассматривать как частный случай общей тенденции к усилению эксплуатации тех, кто обладает наиболее важным для информационного общества ресурсом – знаниями (так же, как объектом эксплуатации в традиционном обществе были обладатели мускульной силы, а в индустриальном – навыков работы на станке). В этом отношении можно утверждать, что усиление эксплуатации интеллектуального класса (и университетских профессоров как образцовых его представителей) является следствием стремления современных элит установить контроль над обладателями наиболее важного для «общества знаний» ресурса.

Учебная и преподавательская деятельность в университетах все больше разводится с хозяйственной и административной. Это ведет к расслоению университетского сообщества на различные группы, отношения которых выстраиваются по схеме господства и подчинения. При этом администраторы и менеджеры все чаще рекрутируются из сфер далеких от науки и образования и не разделяют ценностей университетского этоса. В то же время, они выступают от имени науки и воспринимаются как полномочные ее представители, что (особенно в силу увеличивающегося количества скандалов, затрагивающих руководство университетов) ведет к снижению репутации университетского сообщества в целом.

Административный контроль над действиями преподавателей ужесточается, они нагружаются дополнительными функциями, их деятельность формализуется и обесмысливается, профессиональный престиж и социальный статус снижаются, усиливается их уверенность в том, что они бессильны и неспособны что-то изменить. Все эти изменения можно рассматривать не только как закономерные следствия разрушения автономии академического сообщества, огосударствления и коммерциализации университетов, но и как элементы дисциплинирования преподавателей, благодаря чему небольшая группа администраторов успешно справляется с пока еще большим количеством их фактических подчинённых.

Если интеллектуальный класс будет оставаться на подчиненном положении и не сможет консолидироваться ради отстаивания своих интересов, негативные процессы – снижение качества исследований и образования, падение престижа преподавателей, деинтеллектуализация общества будут прогрессировать и далее. При этом именно университеты, хранящие традиции автономии и дух независимости, имеют все шансы стать центрами для консолидации интеллектуального класса.

Этическая экспертиза

Автономия, академическая свобода, способность к самоопределению, творческая атмосфера и другие ценности, поддержка которых ожидается от классических университетов, являются важными предпосылками для инновационной деятельности. Сегодня ведущие университеты мира выступают в качестве инновационных центров развития регионов и стран, производящих новые идеи, концепции, знания, технологии, продукты и т.д.

Представления о самоценности инновационной деятельности сформировались в эпоху, когда сложно было представить, что новые технологии могут не только нанести вред человеку, но даже поставить под угрозу само существование человечества. Сегодня представления о будущем стали более пессимистичными, и футурологические исследования предлагают все менее утешительные сценарии технологического развития. Новые технические, биотехнологические, экологические инновации ставят человека перед вызовами, успешного опыта разрешения которых еще нет. Для ряда новых технологий невозможно просчитать процент возможного риска, однако, последствия, если таковые наступят, могут быть катастрофическими. Здесь ценность инновационности вступает в конфликт с ценностью гуманизма.

Возникновение и обострение моральных противоречий может обозначать «не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни» [2, 239]. Так, для того, чтобы минимизировать риск от применения инновационных технологий в ситуации неопределённости, силами ученых из разных областей науки сформулирован принцип предосторожности, который гласит, что если возможный ущерб морально неприемлем (серьезен, необратим, угрожает жизни и здоровью, нарушает права человека), то даже отсутствие научных доказательств этого вреда не может быть причиной для отказа от его предотвращения [7, 14].

Для того, чтобы определить моральную приемлемость или неприемлемость ущерба от масштабных инноваций, необходимы соответствующие инструменты: гуманитарная (в том числе этическая) экспертиза, этические комитеты и комиссии, профессиональные этические кодексы и т.д. Устанавливая нормативные рамки для применения инновационных технологий, они способствуют снижению морально неприемлемых рисков. Инновационность как ценность университетского этоса здесь проверяется гуманизмом, поскольку иннова-

ции обладают ценностью лишь тогда, когда они способствуют благу человека. В ином случае они могут нанести ему вред. С. Лем, отмечая склонность человека к использованию технологий против себя самого, сравнил его с хищной обезьяной, в руки которой вложили опасную бритву. В этом смысле наличие системы гуманитарного образования, развитая этическая инфраструктура, изыскания в области этики, организующим центром для которых выступает университет, позволяют надеяться, что уровень моральной рефлексии общества будет соответствовать уровню его технологического развития.

Цифровизация университета

Цифровизация – амбивалентный процесс, который, с одной стороны может рассматриваться как историческая неизбежность, общественное благо, условие выхода университета на качественно новый, более высокий этап развития [4, 33]. С другой – этот процесс может настолько необратимо трансформировать университет, что он со временем утратит свою идентичность, превратившись в один из поставщиков контента для онлайн-агрегаторов массовых курсов, и, возможно, со временем прекратит свое существование, уступив в конкурентной борьбе с новыми формами организации профессионального образования.

К сожалению, цифровизация все чаще демонстрирует университету свои негативные стороны. Так, с помощью дистанционных технологий региональный вуз получает возможность рекрутировать обучающихся далеко за пределами своего региона, кооперироваться с другими вузами, привлекать для чтения лекций преподавателей из других регионов и стран, то есть приобретает возможность широко заявить о себе, повысить уровень преподавания и, в перспективе, выйти на новый виток развития. Однако те же технологии приводят к оттоку студентов из региона в более престижные заведения, замене собственных лекционных курсов курсами ведущих вузов, что ведет к гибели региональных научных школ, а значит снижению статуса провинциальных университетов.

Как и многие другие процессы, первоначально призванные облегчить и улучшить жизнь человека, цифровизация постепенно становится безличной силой, отчужденной от него. Если еще недавно университетское сообщество пыталось использовать новые цифровые технологии как средство улучшения качества образования, то сегодня цифровизация (как до этого коммерциализация и государственная оптимизация) превратилась в цель саму по себе. Более того, ориентиры для работы университетского сообщества все чаще формулируются даже не на основании министерских приказов или коммерческих бизнес-планов, а в результате электронного монито-

ринга статистических показателей и анализа больших данных. При этом по мере увеличения количества учитываемых параметров и усложнения алгоритмов работы искусственного интеллекта человеку становится все сложнее понять логику принимаемых решений.

Внедрение массовых онлайн-курсов, обучающих чат-ботов, электронных тестов и т.д. теоретически должно освободить преподавателя от монотонной нетворческой деятельности. Фактически же пока на преподавателя возлагается обязанность разработки и обслуживания онлайн-курсов по утвержденным шаблонам, при этом доведение этих курсов до режима автономного существования автоматически ставит разработчика под угрозу сокращения.

Преподаватель отчуждается не только от целей и процесса своей деятельности, но и от ее результата. Качественный онлайн-курс сегодня создается группой специалистов: разработчиков контента, методистов, программистов, дизайнеров, сценаристов, режиссеров, операторов, монтажеров, редакторов, консультантов, дикторов, фасилитаторов, модераторов и других узких специалистов. В итоге ответственность за курс распределяется среди такого большого количества людей, что фактически он не принадлежит ни одному из них.

В этом смысле разработчик массовых онлайн-курсов в чем-то похож на рабочего, который в ходе развития промышленности превратился в работника на конвейере, затем в оператора станка, и в итоге был заменен автоматом. Сейчас преподавателей сменяют группы узких специалистов и операторы онлайн-курсов, а в перспективе и эти задачи будут возложены на образовательные технологии искусственного интеллекта. В итоге окажутся ненужными и они, поскольку если выполнению профессиональных функций можно научить при помощи жестких алгоритмов, то эти функции разумнее сразу делегировать искусственному интеллекту.

В целом, если университет желает сохранить свою идентичность, ему нужно ограничить чрезмерные претензии цифровизации рамками определенных правил, позволяющих контролировать этот процесс. По меньшей мере, университетскому сообществу необходимо четко определиться с какими именно целями в каждом конкретном случае цифровизация (как и все прочие трансформационные процессы) должна применяться, и являются ли эти цели значимыми для социальной миссии университета.

Возможно, со временем цели университета, формат его работы, взаимодействие преподавателей и студентов кардинально изменятся. Но, если он сохранит базовые ценностные ориентиры, если все изменения будут следствием его собственного, свободного и эти-

чески отрефлексированного выбора, он вполне сможет удержать свою университетскую идентичность.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этнос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии: научно-публицистическая монография. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. 272 с.
2. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. *Прокофьев А.В.* Этика профессора в цифровом университете // Вестник прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 31-53.
5. Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2008. 699 с.
6. *Сычев А.А., Коваль Е.А.* Становление и развитие научного этоса: нормотворческие измерения // Вестник КРСУ. 2021. Том 21. № 6. С. 103-110.
7. The Precautionary Principle. COMEST. Paris: UNESCO, 2005. 54 p.